

Глава 167: Императорская тюрьма!

«Если этот отродье не будет убито, гнев солдат не может быть погашен»? Как весело! Эти Ху думают, кто они? Просто потому, что они немного помогли стране, они начинают требовать компенсацию за свои усилия?»

Огромная волна врезалась в берег. Рядом с причалом было размещено несколько военных кораблей, и военные флаги колебались вместе с морским бризом. На флагах было написано два слова: «Рассекающие волны».

На палубе корабля чернобородый генерал читал письмо с ужасным выражением на лице.

«Передайте мои слова. Напишите меморандум, объявив, что любой, кто толкает на казнь Ван Чуна, станет врагом нашей армии Рассекающих волны»!

...

«Хахаха! Смешно! Как смешно! Эти ребята на самом деле осмеливаются угрожать Его Величеству? Кажется, этот ребенок, в конце концов, был прав. Эти Ху действительно образуют свою собственную фракцию. Я хотел бы посмотреть, посчитаются ли со словами нас, Хань, или со словами этих варваров!»

Ночь бросила свою тень на горы, и сияние костров рассеивалось. Взглянув на письмо с мрачным лицом, мощно сложенный генерал начал яростно смеяться.

«Передайте мои слова! Напишите меморандум и отправьте его в королевский двор как можно быстрее. Скажите, что «я, Лу Хуэй, убью любого, кто посмеет коснуться Ван Чуна. Вся наша Северная армия заступится за Ван Чуна!»

.....

С самого крайнего севера по далекий юг подобные инциденты происходили в военных лагерях по всем Центральным Равнинам. Никогда в долгой истории Великого Тана не было так много генералов Ху, объединенных требованием смерти человека.

Точно так же никогда раньше инцидент не мог разжечь гнев стольких генералов Хань.

В глубокое ночное время скачущие бесчисленные лошади несли меморандумы, содержащие гнев как генералов Ху, так и генералов Хань.

...

В то время как дело Ван Чуна вызывало огромный шум во всем Великом Тане, в глубине под королевским двором Великого Тана все было безмолвно и тихо, образуя резкий контраст. Никакие суматохи или новости не могли достичь этой области.

«Ах!»

Безмолвное восклицание, глубокое и одинокое, прозвучало в темной камере. После неизвестного периода времени Ван Чун наконец пришел в сознание.

Ван Чун проснулся от звука падения воды на землю. В этой темной подземной тюрьме звук был исключительно четким и ясным.

«Ой!»

Ван Чун схватился за голову, и все, что он чувствовал в тот момент, было сильным головокружением, подавляющим его. Стражник с императорским жетоном сильно ударил его по акупунктуре для усыпления.

«Где я?»

Покачав головой, Ван Чун медленно поднялся.

«Это имперская тюрьма!»

Внезапно раздался голос.

«Ты же не думаешь, что мы в борделе, не так ли?»

Эти слова вызвали взрыв смеха из окрестностей.

«Имперская тюрьма?»

Тело Ван Чуна задрожало. Как будто на него вылилось ведро холодной воды, он тут же проснулся от этого потрясения. Обследовав окрестности, он увидел темную, влажную камеру, едва освещенную несколькими факелами на стенах.

Ван Чуну потребовалось мгновение, прежде чем он успел поверить, что действительно был в камере.

Кажется, эта камера имела долгую историю. Металлические решетки были в черных пятнах, и, присмотревшись, можно было увидеть легкий оттенок ржавчины. Воздух был холодным, и черный туман, казалось, задерживался в воздухе. Плотная аура смерти, сосредоточенная здесь, внушала страх в сердцах тех, кто был здесь.

Имперская тюрьма?

Имперская тюрьма!

В одно мгновение бесчисленные мысли мелькнули в голове Ван Чуна, и медленно, над ним нависла правда. Видимо, придя к осознанию, Ван Чун постепенно успокоился и сел на землю.

«Имперская тюрьма? Хмпф, имперская тюрьма! Я действительно не мог этого ожидать!»

События до того, как он потерял сознание, всплыли на поверхность его разума. Ван Чун знал, что они были охранниками Императора, но он не думал, что они будут тюремными охранниками королевского двора.

Подумать только, что один меморандум перевернул с ног на голову королевский двор и Ху отправили его в императорскую тюрьму. Ван Чун этого не ожидал.

Имперская тюрьма была местом, где содержались заключенные в камере смертников, и очень немногие заключенные могли остаться живыми.

Поскольку он уже был здесь, бороться не было смысла.

Таким образом, Ван Чун решил не обращать на это внимание.

«Как я могу игнорировать вопрос о выживании моей страны ради своего удобства? Если Великий Тан обречен пасть, тогда пусть это начнется с меня!»

Подумал Ван Чун.

Скрытой эмоцией в его глазах был не страх смерти, а глубокая скорбь. Однажды он умер, и он думал, что смерти больше нечего бояться. Если бы он хотел сохранить благородство и богатство, он никогда бы не подал меморандум.

Таким образом, Ван Чун все же чувствовал печаль.

Ван Чун, его дедушка, его старший дядя и многие другие поднялись и выступили против других региональных командующих и использования политики талантов Ху. Тем не менее, это все равно в конечном итоге закончилось так.

Это заставило Ван Чуна почувствовать себя побежденным и унылым.

«Хе-хе, посмотрите на этого новичка, он окаменел! Он действительно сидит неподвижно, как статуя».

По всей тюрьме раздался восторженный голос.

Несмотря на то, что Ван Чун все еще оставался неподвижным, он будто не обращал внимания на их издевательства.

Смех становился все громче и громче, но когда он не смог вызвать реакцию у Ван Чуна, он медленно угас от скуки.

Ван Чун продолжал сидеть неподвижно.

По прошествии неизвестного периода времени прозвучал звук шагов. Взмолнованный Ван Чун резко поднял голову, только чтобы увидеть, как в подземный проход входит авторитетный, суровый мужчина средних лет. Шесть-семь тюремных стражников, которые несли ауру, напоминающую сильную бурю, следовали за ним.

Кланг! Кланг! Кланг!

Среди мерцающего пламени металлические решетки, которые отделяли Ван Чуна от мира, звенели под их шагами. Холодный смотритель стад перед Ван Чуном и посмотрел на него холодным и острым взглядом.

«Ты Ван Чун?»

Спросил смотритель, глядя на значок в своей руке.

«Да!»

Ван Чун не отрицал этого.

«Хмпф! Если это так, то ты можешь добровольно признаться».

Суровый смотритель холодно хлынул.

«Признаться в чем?»

Ван Чун наконец поднял голову, чтобы посмотреть на смотрятеля.

«Хмпф, дерзкий! Ты уже заключен здесь, думаешь ли ты, что тебе нужно упрямо отрицать свои грехи? Ты должен просто послушно признаться. Таким образом, по крайней мере, ты сможешь избежать страданий и ненужной боли!»

Брови смотрятеля взлетели, когда он недоуменно посмотрел на Ван Чуна.

«Я не знаю о своих преступлениях, и поэтому мне не в чем признаваться».

Ван Чун ответил спокойно.

«Ха-ха-ха, у этого парня наверняка крепкие нервы!»

«Юноша, это обычный опрос. Ты должен торопиться и исповедоваться, чтобы не подвергаться пыткам. Здесь нет никого, кто бы не признался».

«В самом деле. Это ничем не отличается от ухода за смертью, чтобы действовать так перед лордом Чжоу! У лорда Чжоу есть как минимум сто способов открыть рот».

В окрестностях вспыхнул смех. Тюремные стражники смотрели на Ван Чуна с презрением в глазах, как будто они уже могли увидеть мучительную боль, которой Ван Чун подвергнется через мгновение.

Надзиратель Чжоу Синь был настоящим мастером допроса.

Каждый, кто прошел через его руки, закончил тем, что его тело было разрушено. У него было бесчисленное множество способов причинить боль человеку. Это невозможно было выдержать, даже если бы он был сделан из металла.

«Заткнись!»

Прозвучал яростный рев, напоминающий рев льва. В одно мгновение все заключенные закрыли рты, и тишина вернулась в имперскую тюрьму.

Имперская тюрьма была другим миром сама по себе, и в этом мире Чжоу Синь был диктатором. Жизнь и смерть всех здесь определялись одной лишь его мыслью.

Не было никого, кто мог бы встать перед ним здесь.

«Это то, что ты решил? Ты ничего не хочешь сказать?»

Чжоу Синь взглянул на Ван Чуна с пугающе темным выражением.

«Мне нечего сказать».

Ван Чун спокойно покачал головой.

«Очень хорошо. Поскольку это твой первый раз здесь, и ты не знаешь правил, я дам тебе несколько часов, чтобы обдумать их. Если ты собираешься дать мне тот же ответ на рассвете, я буду крайне недоволен!»

Слова Чжоу Синя были связаны угрозой. Он был законом здесь, и любой, кто осмелится не подчиниться ему, должен был быть наказан!

«Пошли!»

Вскоре Чжоу Синь увел свою группу тюремных охранников.

После того, как Чжоу Синь ушел, бесчисленные сочувствующие взгляды со всех сторон сразу собрались на Ван Чуне. Взгляд Чжоу Синя показал им судьбу Ван Чуна.

Когда в последний раз такое выражение появилось на лице Чжоу Синя, три человека в Императорской тюрьме умерли.

«Вздых, мне очень жаль этого парня».

Старый заключенный взглянул на Ван Чуна и глубоко вздохнул.

Однако Ван Чун оставался совершенно беззаботным ко всему, что происходило вокруг него. Сидя в клетке и скрестив ноги, он оставался неподвижным. Среди тишины время медленно ползло.

После другого, казалось бы, длительного периода времени, когда падающие капли воды прозвучали двадцать одну тысячу шестьсот раз, Ван Чун снова слышал знакомые шаги.

«Рассвет!»

Ван Чун вздохнул. Открыв глаза, он увидел перед собой стоявшего над ним надзирателя Чжоу Синя с несколькими охранниками из тюрьмы.

Но в отличие от предыдущего времени, Чжоу Синь не произнес ни слова. За железными решетками он смотрел на Ван Чуна с чрезвычайно странным выражением, как бы переоценивая человека перед собой.

«Вы Ван Чун?»

Спросил Чжоу Синь.

Точно такие же слова от одного и того же человека, но чувство, которое было вызвало, стало совершенно иным.

«Я!»

Несмотря на то, что он был удивлен, Ван Чун все еще ответил с таким же спокойствием.

Как только он заговорил, на лице Чжоу Синя появилось странное выражение. В нем можно было увидеть легкое удивление, небольшой след любопытства и глубокий страх.

«Господин Ван, я прошу прощения за свои оскорбительные слова вчера вечером».

Чжоу Синь внезапно поклонился.

Вэн!

В одно мгновение все заключенные, которые ждали, что Чжоу Синь принесет полный комплект оборудования для пыток, были ошеломлены. Что происходило?

Чжоу Синь был известен своими пытками!

Почему он поклонился новому незнакомому заключенному?

Люди не могли понять ситуацию, которая происходила перед ними.

«Вы, ребята, поторопитесь и приготовьте пищу для господина Вана. Или вы думаете, что еда здесь может подойти для господина Вана?»

Чжоу Синь оттолкнул миску с рисом, поставленную снаружи железной решетки, и прокричал к охраннику рядом с ним. После чего он повернулся лицом к Ван Чуну и тихо сказал:

«Господин Ван, имперская тюрьма сыра. Я устрою, чтобы мои люди очистили вашу камеру и выложили для вас некоторые коврики. Такой человек, как вы, не должен быть заперт здесь или быть в наручниках. Однако слова Сына Небес не могут быть нарушены, поэтому я ищу вашего понимания».

Чжоу Синь тайком сказал Ван Чуну.

«Что случилось?»

Ван Чун не смог сдержать свое любопытство.

«Это... господин, простите меня, но я не могу раскрыть подробности».

Чжоу Синь колебался.

После очистки риса, поставленного на пол, он поспешно ушел, будто запуганный присутствием Ван Чуна. Только после того, как он исследовал этот вопрос, он понял, какой фигурой был этот новый заключенный.

Чжоу Синь встречался со всеми могущественными чиновниками за всю свою жизнь. Будь то должностные лица 9-го класса или должностные лица 1-го класса, небольшие губернаторы округа или известные генералы и министры, ни одно из них не имело для него значения.

В Императорской тюрьме были только заключенные. И все заключенные должны были подчиняться ему.

Но этот молодой человек ... был слишком уникален. Чжоу Синь никогда не сталкивался с таким делом на протяжении всей своей жизни. Другая сторона не была влиятельным чиновником, она не была генералом или министром.

Чжоу Синь намеревался подвергнуть его жестоким пыткам, но, узнав о событиях, которые произошли сегодня в королевском дворе, даже если кто-то вырвет его кишки в сто раз, он никогда не осмелится возложить на него свои руки!

Кто-то вроде него не мог позволить себе обидеть такую фигуру!

С утра до полудня, партия за партией золотых бронированных тюремных охранников продолжала подниматься в камеру Ван Чуна.

Как правило, невозможно встретиться с этими тюремными охранниками.

Но за один день заключенные увидели, по крайней мере, от тридцати до сорока охранников. Это оставило их в шоке, и они изо всех сил пытались узнать личность этого новичка.

В их глазах блестели любопытство и страх.

Но никто из охранников не сказал ни слова. После того, как они ненадолго колебались перед камерой Ван Чуна, они поспешно уходили.

Это сделало заключенных в этой камере еще более любопытными. Никто не мог понять это странное зрелище, и они не могли понять, какая поддержка была у этого молодого человека, чтобы он вызвал такой страх у охранников королевского двора.

Чи!

После другого, казалось бы, длительного периода времени, когда еще одна группа тюремных стражников снова пришла, один из них осторожно бросил смятый лист бумаги на землю перед Ван Чуном.

Когда группа ушла, Ван Чун встал, подошел и подобрал бумагу.

Открыв скомканную записку, лицо Ван Чуна сразу же исказилось в шоке. Только в этот момент он понял, какой шторм случился, когда был заперт в императорской тюрьме!

Именно так, Ван Чун не мог даже себе представить, что истинная ситуация снаружи была на самом гораздо более интенсивной, чем то, что было описано в записке.

<http://tl.rulate.ru/book/3937/172530>